

КОСМОС М.ЛЕРМОНТОВА В КООРДИНАТАХ АСТРАЛЬНЫХ МИФОЛОГЕМ

Мифо-энциклопедические представления об астральных (включая солярные и лунарные) мифологемах (солнце, солнечных циклах, луне, лунных циклах, звездах, метеорах, Млечном пути, Плеядах, Орионе и других) получили широкое освещение в специальной литературе (А.Н.Афанасьев 1995; Воропай О. 1958; Килимник С. 1994; Костомаров Н. 1994, С.М.Толстая 1986, Цивьян Т.В. 1988, О.Н.Бадер 1978 и другие), и глубокую словарную обработку относительно мифологии народов мира и мифов восточных славян: «звезды» (Усачева 1999, с.290 -294), «звезда» (Дж.Трессидер 1999, с.107-108), «луна» (О.В.Белова, С.М.Толстая 2004, с.143-147), «луна» (С.М.Толстая 1995, с.245-247), «луна» (Е.М.Штаерман, 1992, с.78), «луна» (Дж.Купер 1995, с.190-193), «луна» (Дж.Трессидер 1999, с. 203-207), «месяц» (С.Санько 2004, с.316-320), «лунарные мифы» (В.В.Иванов 1992, с.78-80), «лунное время» (О.В.Белова, С.М.Толстая 2004, с.147-150), «лунные пятна» (А.В.Гура 2004, с.150-154), «Млечный путь» (О.О.Белова, 2004, с.264-266), „солнце” (А.Л.Топорков, 1995, с.361-363), «солнце» (Дж.Трессидер 1999, 348-351), «солнце» (Дж.Купер 1995, 310-314), „сонца” (С.Санько, Я.Сахута 2004, с.478-480), «солярные мифы» (В.В.Иванов 1992, с.461-462), также в многочисленных других источниках. Эти представления значительно углубляются при изучении поэтической речи писателей, чьи произведения входят в сокровищницу мировой художественной культуры. К их числу принадлежит М.Лермонтов.

Неизмеримый космос мифопоэтического пространства Лермонтова будет представлен здесь лишь несколькими, но центральными образами солярных (солнце) и лунарных (ночное светило, звезды) мифов, а также стоящим особняком образом метеора: все они относятся к числу древнейших (лунарные мифы народов мира, например, принято возводить к палеолиту), от них производны ключевые символы мифологических систем (так, лунарные мифы служат источником символов астрологии, демонологии) и, естественно, занимают важное место в художественном произведении. Один из опытов исследования лермонтовской концепции Вселенной представлен в работе А.Л.Рубанович (А.Л.Рубанович 1968, с. 7-18, 39-40); основных тезисов автора — 4: Вселенная — это “вечный круг миров”; наша планета — всего лишь “горсть земли”, — миры материальны; планета наша могла бы погибнуть в “борьбе веков”, но случайно (не по воле творца) уцелела; спутники земли могут “сойтись” и тогда, по воле стихий, “прощай, планета наша”. Тезисы, как видим, направлены на материалистическое обоснование лермонтовских концептов, выполняя задачу, которую вряд ли ставил перед собой писатель. Приемлемой и органичной, напротив, представляется вопросительная интонация В.Розанова, который, ссылаясь на Иова, писал о

космосе Лермонтова так: “Что-то есть между нами, между мною, моей возлюбленной и звездой, небом? Что? как? — “не вемы”, но что-то чувствуем” (В.В.Розанов 1995, с 92).

Многочисленность текстовых воплощений образа отражает широкий спектр авторских коннотаций, и если сумма дескрипторов мифологемы охватывает поле ее интенционала, то перечень форм наглядно представляет ее коннотативный фон.

Мифологемы восстановлены при помощи метода логико-семиотической рамки, суть которого состоит в осмыслении образа в единстве всех возможных позиций его проявления в тексте: как **субъекта осмысления, или СО**, — того, что осмысливается путем приписывания признаков — прямых дескрипторов (формула «А есть Х...»); как **субъекта переосмысления, или СС**, — того, что может быть переосмыслено в составе позиции субъекта осмысления путем приписывания признаков — не прямых (косвенных) дескрипторов (формула «А подобно Х...»); как **объекта переосмысления, или ОС**, — того, что может быть использовано для переосмысления иного феномена (формула «Х... подобно А»). Предлагаемый метод требует, во-первых, поиска интенционально близких форм, объективирующих образ в речевом потоке (в последующем — определения интенционально релевантных и нерелевантных среди форм). Во-вторых, идентификации каждой из трех логико-семиотически значимых позиций. В-третьих, описания спектра прямых дескрипторов образа-СО, что позволяет далее определить их качественный состав; косвенных дескрипторов образа-СС (с акцентом на коде — компоненте Х... формулы “А подобно Х...”), что позволяет охарактеризовать данный образ посредством признаков иных образов, “измерять” данный образ — “лотом” иных; реверсивных дескрипторов образа-ОС (с акцентом на мотиве — компоненте “подобно” формулы “Х... подобно А”), что позволяет не столько осмыслить иные образы посредством данного, сколько выявить мотивы, или значения-”оборотни”, связанные с данным образом в сознании творца. Анализ логического компонента “подобно” формул “А подобно Х...”, “Х... подобно А” позволяет также определить спектр и приоритеты среди логико-лингвистических основ переноса, типов тропа и средств его объективации. В-четвертых, осмысление всех актуализаций образа позволяет выстроить общий ряд дескрипторов мифологемы, включающий прямые и неизоморфные реверсивные, структурировать интенциональное поле. Воссозданный интенционал позволяет установить степень авторизации мифологемы путем сопоставления авторского образа и статьи мифологического словаря. В-пятых, осуществляется конверсивное прочтение спектра дескрипторов в пределах каждой из четырех моделей, среди дескрипторов определяются типичные и уникальные. В-шестых, путем анализа типичных определяются мировоззренческие константы (МК) писателя относительно данной группы. В-седьмых, сопоставляя МК всех групп, можно определить тип идиостиля.

Центральная среди лунарных мифологем — **“ночное светило”** — явлена в художественной речи М.Лермонтова в формах: месяц; полный месяц; месяц полный; месяц, полный и красный; месяц золотой; белый месяц; туманный месяц; месяц ясный; бесцветный месяц молодой; Диана; полночное светило; лампада (пещеры); небесной степи бледный властелин; свидетель равнодушный; луч месяца; серебристый блеск месяца; луч месяца дрожащий, бледный; месячные лучи; луна; луна, небес ночных убор; бледная луна; полная луна; серебристая луна; луна, подруга дум любви мятежной; луна, царица лучших дум певца и лучший перл того венца, которым свод небес порой гордится, будто царь земной; хладная луна; луна золотая; блестящий шар; одинокая луна; луна любезная; туманная луна; тусклая луна; нескромная луна; серебристая луна; трепетная луна; соперница; жилец небес; луч бесчувственной луны; лик луны туманный; лунный свет; свет лунных вечеров; луны дрожащий свет; луч луны; светлый бег луны; томный свет луны; лучи луны золотые; холодный луч; в том числе ситуативные парафразы (ссылки здесь и далее на издание: М.Ю.Лермонтов, 1954-1957): “Но вот полночь свинцовый свой покров По сводам неба распустила, И влагу дремлющих валов С могилой тихою Диана осребрила” [1, 19] — в поэзии; месяц; полный месяц; месяц, полный и красный; луч месяца; свет месяца; светило небесное; луна; свет луны (в прозе); месяц, прекрасный месяц; луч месячный; луна; тихая луна; немой свидетель минуты первой, свидетель разлуки; прекрасная; восточная луна; в том числе ситуативные парафразы: “Вот свет все небо озарил: То не пожар ли Царяграда? Иль бог ко сводам пригвоздил Тебя, полночная лампада, Маяк спасительный, отрада Плывающих по морю светил? [2, П, 116] — в драме. Ряд, который составили все формы, объективирующие интенционал, шире всего представлен в поэтической речи.

В число значений образа — СО в поэтической речи вошли: 1. **“Царственный властелин ночи, центр анимо-анимитичного мира природы в ночную пору”**, в проекции “сверху вниз” — равнодушный свидетель людского бытия, синкретично с **“психологический ассоциатив: свидетель драматических событий в жизни людей”**: “Раздвинул тучи месяц золотой... Свидетель равнодушный тайн и дел, Которых день узнать бы не хотел, А тьма укрыть, Он странствует один, Небесной степи бледный властелин” [3, 233; И-20¹]; в проекции “снизу вверх” — живой, одухотворенный свидетель сакрализованных событий в жизни человека — любви: “И только месяц с солнцем золотым Узнают, как и кто тобой любим!.. [3, 259; И-7] и смерти в результате убийства, самоубийства [1, 332; И-8]; рождения и младенчества [3. 180]. 2. **“Составная опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, антимитизма”**: “Для чего я не родился Этой синею волной? Как бы шумно я катился Под серебряной луной, О, как страстно я лобзал бы золотистый мой песок...” [1, 186, И-30]; 3. **“Атрибут ситуаций**

¹ И-Х... — условное сокращение индекса частотности реализации дескриптора в речи М.Лермонтова. Близкодистантные (в пределах одной страницы) многократные употребления в индексе частотности не учтены. Индекс частотности фиксируется при условии, если употребления превышают 1.

антифактивности/неполной фактивности”, а именно: божественного верха: “По небу полуночи ангел летел, И тихую песню он пел; И месяц, и звезды, и тучи толпой Внимали той песне святой” [1, 103], хтонического низа [1, 195; И-2], демонического космоса [1, 151], мира вне координат [3, 134, И-2], мифомира сна [1, П, 277], прошлого [1, П, 28], метаморфозы [1, 186], галлюцинирования [1, 516]; в том числе **“магическая астральная сила, переводящая хронотоп реальности в ахронотоп ирреальности”**: ”В том доме каждый круглый год, Две тени, говорят, (Когда меж звезд луна бредет, И все живые спят) являются, как легкий дым, Бродя по комнатам пустым” [2, П, 220], **“солнце мертвых”** [1, 195, И-2]; 4. **“Сопредвестник беды (или драматического развития сюжета), часто синкретично с фенологическими приметами”**: “Однажды (ночь на город уж легла, Луна как в дыме без лучей плыла Между сырых туманов; ветер ночной, Багровый запад с тусклою луной — Все предвещало бури; но во мне Уснули, мнилось, навсегда оне (Я ехал к милой...” — перед раскрытием измены [3, 77; И-7]; 5. **“Константа полимиров, включая реальный, незыблемая точка в хаосе мироздания”**: любовь “прошла, таков судьбы закон, Неумолим и непреклонен он, Хотя щадит луны любезный свет, Как памятник всего, чего уж нет [3, 70; И-2]; сочетание “под луной”, фразеологизировавшись, реализует значение “в этой жизни, в земном мире”: “Но что прошло, небывшим сделать вновь Кто под луной умеет? [3, 236; И-3]; 6. **“Хронометр — показатель времени в диапазоне суточного, месячного, годового циклов”**: “Шесть раз менялася луна; Давно окончена война” [1, 339, И-5]; 7. **“Комплекс ФЭП (источник света, ночное светило реального мира)”**: “Я помнил смуглых стариков, При свете лунных вечеров Против отцовского крыльца Сидевших с важностью лица” [1, 54; И-7]; 8. **Сакральный атрибут мусульманской религии**” [1, 494].

В качестве СС образ в поэтической речи М.Лермонтова переосмыслен согласно кодам: **атрибутивному**: “Вот луна Явилась, будто шар золотой, над рощей темной и густой” [1, 339; также в сопоставлении с желтым пятном [3, 92], блестящим шаром [3, 30], блином со сметаной [2, П, 39], перлом богатого убора, которым Творец увенчал небесный свод [1, 115], И-6]; **антропоморфному**; “И белый месяц, как монах, завернут в черных облаках” [1, 431; И-4]; **астральному**: “Люблю я цепи синих гор, Когда, как южный метеор, Ярка без света и красна Всплывает из-за них луна [1, 153]; **абстрактно-символическому**: “Свеча горит, забыта на столе, И блеск ее с лучом луны в стекле Мешается, играет, как любви Огонь живой с презрением в крови” [1, П, 118, И-3]; **артефактуальному**: “Раздвинул тучи месяц золотой, Как херувим духов враждебных рой...” [3, 233; И-2]; **колоративно-синестетическому**: “И вот над ним луна золотая На легком облачке всплыла” [3, 30, И-7]; **пироморфно-атрибутивно-колоративному**: “Вот свет все небо озарил: То не пожар ли Царяграда? Иль бог ко сводам пригвоздил Тебя, полночная лампада, Маяк спасительный, отрада Плывущих по морю светил?” [2, П, 116, И-3].

Сравним эти данные с информацией о художественном слове, которую можно почерпнуть из поэтических парадигм — описаний позиции СС, многообещающей в качестве одного из аспектов лексикографической интерпретации художественной речи: “Луна/месяц —> 1. шар, круг, диск, медный таз (Языков, Гончаров, Блок); 2. —> блин, колобок, круг горного сыра (Пастернак, Искандер, Окуджава); ... 17. <—> серп, клинок, меч, секач, лезвие, гильотина, нож (Бунин, Сологуб, Блок, Бальмонт, Белый, Вяч. Иванов, Маяковский, Ахматова, Луговской, Тарковский; <— : Хлебников)” [154, 161-162].

Образ — ОС проявляет невысокую активность в поэтической речи; в качестве мотивов реализованы (что типично) **“комплекс ФЭП”**: “И стал Гарун бледней луны” [1, 496; И-4]; **“константа полимиров, включая реальный, незыблемая точка в хаосе мироздания”**: “Ветер гудет, Месяц плывет, Девушка плачет, Милый в чужбину скачет. Ни дева, ни ветер Не замолкнут, Месяц погаснет, Милый изменит” [3, 126, И-4]. Используемая методика позволяет рассмотреть данный сложноинтерпретируемый случай в ряду аналогичных, что особенно важно при отсутствии контекста произведения (это фрагмент песни, представленной лишь отрывком). В контексте реализован, на наш взгляд, мотив “константа полимиров...” механизмом отрицательной далекой ассоциации — характерным псевдоапокалиптическим заклинанием типа “как не может погаснуть месяц (он вечен), так не может изменить милый (его любовь постоянна).

Как видим, в ситуациях переосмысления мифологема ярче проявляет черты аутоморфной, чем антропоморфной, сущности (сравним соотношение кодов); реализует мотивы (косвенные и реверсивные дескрипторы), изоморфные значениям (прямым дескрипторам мифологического канона); имеет более широкий относительно общего спектра сегмент фоново-энциклопедических признаков сравнительно с позицией субъекта осмысления (2:8 относительно 1:1). Безусловно, в позициях переосмысления могут быть представлены и неизоморфные значения мотивы, и в таком случае они расширяют общий ряд дескрипторов.

В прозе Лермонтова в качестве СО образ реализует следующие значения: **“комплекс ФЭП”**: “Между тем облако пробежало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги” [2, 209; И-6]; **“предвестник беды”**: “Я возвращался домой пустынными переулками станции; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начал показываться из-за зубчатого горизонта домов...” [2, 487 — перед смертью Вулича; И-2]; **“составная опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма”**: “Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за темных вершин. Каждый шаг моей некованой лошади глухо раздавался в молчании ущелий...” [2, 458; И-6]; **“царственный властелин ночного неба, оказывающий влияние на природные явления”**: “Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию” [2, 405; И-3]; **“атрибут ситуаций неполной фактивности”**:

“...луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу” [2, 413].

В качестве СС образ переосмыслен в прозе Лермонтова согласно **атрибутивно-колоративно-пироморфному коду**: “...месяц, полный и красный, как зарево пожара, начал показываться из-за зубчатого горизонта домов; ...эти лампы, зажженные, по их (людей премудрых — Н.С.) мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском [2, 487], **антропоморфному коду**: “Между тем луна начала одеваться тучами...” [2, 406].

В качестве ОС образ реализует лишь **мотив “предвестник беды”**: “Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конверт... Вместо надписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимые в луне, которым многие простолюдины придают какое-то символическое значение” [2, 315].

Наконец, в драматических текстах М.Лермонтова интенционал образа — СО измерим прямыми дескрипторами: **“комплекс ФЭП”** [2, 53]; **“сакрализованный атрибут мусульманской религии”**: “Я желаю проститься с чалмой, Крестите меня, как закон ваш велит!” [5, 47]; **“константа полимиров, включая реальный, незыблемая точка в хаосе мироздания”**: “Луна! — как много в этом звуке чувств — Что будет, что теперь и что прошло... В тот вечер все так было — кроме Судьбы Фернандо — небо и земля Все те же...” [5, 33, И-2]; **“хронометр”**: “Однако ночь сгущается, и месяц дошел до половины небес. Меня будут искать везде, — а здесь так пусто, страшно...” [5, 166, И-4]; **“психологический ассоциатив: свидетель (с чертами анимизма, анимитизма) драматических событий в жизни человека (в т.ч.сакрализованных)”**: “И кто б подумать мог, что та ж луна, Которая была немой свидетель Минуты первой... У ручья... в горах — ты помнишь — Что та ж луна свидетель будет Разлуки, нежная Эмилия” [5, 33; И-5]; **“атрибут ситуации антифактивности”**: “И с тех пор, каждый год, только месяц взойдет, В обитель приходит мертвец, И монахам кричит (так молва говорит), Чтоб крестили его наконец!...” [5, 48; И-3]; **“составная опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма”**: “Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе...” [5, 165; И-6]. Сочетание “под луной” реализует значение “в координатах земного бытия”: “Мысли, в которых крутилась адская ненависть к людям и к самому себе — мысли мои вдруг прояснились, вознеслись к небу, к тебе, создатель... Не правда ли, это, величайшее под луною благодеяние?” [5, 163].

В качестве СС образ переосмыслен согласно **артефактуальному коду**: “Взгляни опять: подобная Армиде Под дымной серебристой мглы ночной Она идет в волшебный замок свой” [5, 33]. В качестве ОС образ реализует мотив в диапазоне **“комплекс ФЭП”**: “Взор женщины, как луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие” [2, 15].

Рассмотренные значения и мотивы мифологема проявляет в драме равно и в репликах персонажей, и в авторских ремарках, хотя научному

анализу подвергается, как правило, только первые, что вряд ли оправдано: ведь в прозе ремарки соответствуют описательному контексту, в то время как реплики — повествовательному.

Таким образом, мифологема “ночное светило” реализует в художественной речи М.Лермонтова значения в спектре 9: “хронометр” (поэзия, драма); “комплекс ФЭП” (поэзия, проза, драма); составная опозитизированного пейзажа...” (поэзия, проза, драма); “предвестник беды” (поэзия, проза); “царственный властелин анимо-анимитичного мира природы ночной порой” (поэзия, проза, драма); “константа полимиров, незыблемая точка в хаосе мироздания...” (поэзия, драма); “сакрализованный атрибут мусульманской религии” (поэзия, драма); “психологический ассоциатив...” (поэзия, драма).

Как видим, все значения являются устойчивыми в речи писателя. Из 9 значений 7 принадлежит к числу мифопоэтических, и лишь два можно отнести к фоновому-энциклопедическим (первое и второе), и то условно, поскольку значение “хронометр” в речевой цепи мифологемой проявляется зачастую синкретично со значением “составная опозитизированного пейзажа...”: “Когда росистой ночи мгла На холмы темные легла, Когда на небе чередой Являлись звезды и луной Сребрилась в озере струя...” [1, 349]. Синкретичность широко проявляется в художественной речи не только на уровне соинтенционалов, но и созкстенционалов (сотемпорали, сопредвестники). Два из описанных значений мифологемы — “составная опозитизированного пейзажа...” и “царственный властелин природы ночной порой” (с чертами живой, одухотворенной субстанции) различаются лишь тем, что выступает объектом описания — само ночное светило либо ночное светило в ряду иных объектов, как здесь: “Кто видеть мог? Лишь темный лес Да месяц, плывший средь небес! Озарена его лугом, Покрыта мохом и песком, Непроницаемой стеной Окружена, передо мной Была поляна” [1, 511]. Некоторые из описанных значений имеют нюансы в различных жанрово-стилевых проявлениях (например, значение “хронометр” является более развитым в поэзии; значение “предвестник беды” в поэзии реализовано как сопредвестник беды (зачастую синкретично с фенологическими приметами), а также драматического развития сюжета; ситуации антифактивности в прозе имеют вариантом ситуации неполной фактивности; “ночное светило” как властелин природы ночной порой в прозе проявляет себя прежде всего как субстанция, управляющая водной стихией и т.д., что не мешает объединить варианты реализации в значения.

Активнее всего мифологема — СО проявляет себя в поэзии, то же можно сказать и о позиции СС, в котором реализуемые мифологемой значения осложнены сопоставлением. В целях переосмысления мифологемы — СС использованы 7 кодов: атрибутивно-колоративный (поэзия, проза — в варианте атрибутивно-колоративно-пироморфного); антропоморфный (поэзия, проза); артефактуальный (поэзия, драма), астральный, абстрактно-символический, колоративно-синестетический, атрибутивный (поэзия), среди них отмечены простые и составные, более активные и менее активные, и

антропоморфный входит на правах равноправного (и среднего по частотности проявления) в парадигму кодов, что позволяет утвердиться во мнении, что в художественной картине мира антропоцентричность не характерна, по крайней мере, для описания объектов природы,

Наименее развитой в поэзии, прозе и драме Лермонтова в отношении рассматриваемой мифологемы является позиция ОС. Среди мотивов отмечены “комплекс ФЭП” (поэзия, драма), “константа полимиров...” (поэзия), “предвестник беды” (проза), то есть все мотивы изоморфны значениям, и существенное место среди них занимает “комплекс ФЭП” — характерная черта позиции ОС.

В отсутствие неизоморфных мотивов значения мифологемы остаются в спектре 9; среди комплементарных парадигм шести мифопоэтических значений доминирует народнопоэтическая, к которой апеллирует 5 из шести (кроме “сакрализованный атрибут мусульманской религии”) на срезах “предвестников”, “артефактов” (атрибутов мифологических миров), статуса в структуре архаического мифа (властелин мира природы ночной порой, незыблемая опора мироздания) и его “следа” в современном мироздании (“составная опозитизированного пейзажа...”).

Учет всех употреблений мифологемы в художественной речи Лермонтова позволяет воссоздать ее облик. В системе координат художественного универсума Лермонтова луна и месяц являются абсолютными эквивалентами. “Ночное светило” писателя классически двулико — служа источником света и ориентиром во времени в ночную пору, вырастая до абстракции “под луной” (“в земном хронотопе”), одновременно принадлежит мифологическим мирам в широком спектре антифактивности (от божественного верха до хтонического низа, а также мифомирам состояния вне контроля человеческого разума), являются центром и властелином одного из них (анимо-анимитичного мира природы) в ночную пору суток, незыблемой опорой мироздания в структуре пан-натуралистической модели мира, выполняет медиарную функцию — служит предвестником беды, является участником ситуаций перехода в небытие — смерти, убийства, самоубийства и подобных. Преодолевая толщу воды, солнце является в мифомире галлюцинаций в луноподобном виде, что полностью находится в русле славянской народнопоэтической традиции, где языческая речь — “иной день”, и месяц — “иное, ночное солнце”. Призрачный лунный свет способен лишить черт определенности и предметы земного мира — грань реальности/ирреальности оказывается размытой. Амбивалентно и “отношение” ночного светила к проблемам людей — от полного равнодушия до сочувственного (влюбленным, в частности) наблюдения. Контрагент месяца — солнце, соположенные явления — звезды и тучи.

Мифологема “солнце” традиционно осмыслена в трех фазах дневного цикла — восхода, полуденной поры, заката; соответственно, среди форм объективации **восхода** в поэтическом тексте Лермонтова отмечены именованья целого (солнце, новорожденное светило, небесное светило, заря,

ленивое светило, день новорожденный, новорожденная заря, денница, утренняя заря, пышная заря, красная заря, заря багровая, алая заря, заря алая, заря прекрасная, белая заря, Аврора), метонимические наименования (солнца луч, луч, луч зари, лучи зари, востока луч, играющий луч, дневные огни, новорожденный луч, румяный полусвет зари), ситуативные парафразы (“златило утро дальний небосклон” [3, 76]; “...к яркому востоку И западу взывал я...” [3, 251]; “Вот сыростью холодную С востока понесло, Краснеют за туманами Седых вершин зубцы...” [1, 312]; “Восток алея пламенеет, И день заботливый светлеет” [3, 10]; “Светаёт — побелел восход...” [1, 342]; “...утра в час златой” [1, 218]; “яснеет уж восток [3, 173]; “восток озолотился [1, 506]; “...навстречу дню Я поднял голову мою...” [1, 506]; “отблеск утра” [1, П, 202]; “на окнах блещет утра свет” [1, 479]; “На тот восток, где новый брезжит день” [1, 41]; “Но — посмотри — уж день блеснул в струях...” [1, 42]; “...розовый по речке и шатрам Разлился блеск и светит там и там” [1, 44]; “чуть утро осветило пушки” [1, 212]; “и только небо засветилось” [1, 212]; “молодого дня За рощей первое сиянье” [1, 255]; “вздыхает, пока озарится восток” [1, 273]; “но только что утра сиянье Кидало свой луч по горам” [1, 309]; среди форм объективации **дневного солнца** в поэтическом тексте Лермонтова отмечены именованья целого (солнце золотое, ясное солнце, знойное солнце, солнце красное, красно солнышко, солнце вешнее, солнце зимнее, солнце осени, сонное солнце, солнце юга, светило южных стран, северное солнце, солнце родины, солнце пламенное Востока); метонимические именованья (лучи солнца, солнечные лучи, холодный свет дневных лучей, знойные лучи, знойные полудня лучи, яркие лучи, солнца отливы, косвенные лучи, пламенные лучи, игривый луч, луч солнца золотой, жаркий луч, слабый луч, медленный луч, прощальный взгляд великого светила, бледный, мертвый луч); ситуативные парафразы (“полдень над главою горел в лучах” [3, 24]; “Ярчее дневное сиянье” [3, 41]; “Уж полдень, прямо над аулом, На светло-синей высоте, Сиял в обычной красоте” [3, 21]; “дайте мне сиянье дня” [1, 175]; “По небу знойный день катится” [1, 417]; “Сияньем голубого дня Упьюся я в последний раз” [1, 519]; “Горит на небе ясный день” [1, 347]; “Огнем дыша, пылал над нами Лазурно-яркий свод небес” [1, 285]; “как день твои блистают очи При встрече радостных очей...” [2, П, 30]; “в окно светил весенний, теплый день” [1, П, 205]; “Летние жары Покрыли тенью золотой Лицо и грудь ее” [1, 509]; среди форм объективации **заката** в поэтическом тексте Лермонтова отмечены именованья целого (солнце, светило, светило дня, солнце вечера, солнце тусклое, вечера светило, вечернее солнце, вечерняя заря, светило сонное, гордое светило, закат, заря, заря туманная); метонимические именованья (зари разлив, зари последняя струя, зарево заката, зари румяной полусвет, луч заката, желтый луч, заката луч златой, луч зари, лучи зари, вечерний луч, лучи, лучи вечерние, последний солнца луч, златой; бессильный, светлый луч зари; косвенные лучи, кровавый луч, прощальная струя, бледный луч, прощальный луч, венец горы высокой, негреющий пламень луча, огонь сиянья солнца; ситуативные парафразы (“запад золотой” [1, 193]; “день гас” [3, 83, И-5]; “краснея,

догорает день В тумане” [1, 328]; “порой рассеянные взгляды На красный запад он кидал” [3, 189]; “прохладный гаснул день” [1, П, 277]; “осенний день тихонько угасал” [3, 67]; “садится день” [1, 76]; “запад гас” [1, 24]; “садится алый день За синий край земли” [1, П, 308]; “закат горит огнистой полосой” [1, 68]; “вдали багровой полосой на небе зарево горит” [1, 116]; “уж время шло к закату дня” [1, 452]; “румяным вечером” [1, 218]; “гаснет небосклон” [1, 40]; “к яркому востоку и западу взывал я” [3, 251].

В драме М.Лермонтова мифологема проявляет невысокую активность и объективирована в формах солнце, светлый луч солнца.

В прозе **восходящее светило** обозначено формами солнце, восходящее солнце, первый луч солнца, лучи солнца, радостный луч молодого дня; дневное светило — солнце, мирное солнце, светлое солнце, ясное солнце, южное солнце, северное солнце, закавказское солнце, золотой луч солнца, зной солнца, желтое пятно, лучи солнца; **заходящее светило** — солнце, вечернее солнце, закат солнца, захождение солнца, последний пламенный взгляд солнца, последний отблеск зари, розовые лучи заходящего солнца, лучи заката, луч заходящего солнца, бледнеющий свет зари, “день угасал” [2, 189]; “вечер, разливавший сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои” [2, 293].

Поскольку речь идет об одном явлении, но в различных фазах, комплекс дескрипторов будет рассмотрен относительно образа “солнце” в целом с описанием специфики каждой из фаз в случае их маркированности.

Среди значений мифологемы — СО отметим, прежде всего, 1. **“Комплекс ФЭП”**: “Штыки горят под солнцем юга...” [1, 283; И-8]; значение в целом низкочастотное, сравнительно более высокую активность проявляет в описаниях заката. На периферии оси мифопоэтических значений находится также 2. **“Хронометр”** — в диапазоне суточного цикла: “И только небо засветилось, Все шумно вдруг зашевелилось” [1, 212 И-19]; то же относительно полудня — [3, 21; И-3]; то же относительно заката — [1, 40; И-10]; в диапазоне годичного цикла: “Вот и весна явилась вновь, И в солнце прежний жар” [2, П, 219]; сравнительно активно в описаниях восхода и заката. Следующим из периферийных является значение 3. **“Маркер определенного локуса”** с фокусированным пучком коннотаций: “И мог ли я во цвете лет Как вы, душой оставить свет И жить, не ведая страстей, Под солнцем родины моей? [3, 86; И-4]. Характерно, что периферийные значения охватывают категории времени и пространства — классические измерения бытийности в координатах реальности. Однако отнести эти значения к фоновому-энциклопедическому невозможно: маркированным может оказаться локус, например, с неопределенными характеристиками (типа “где-то”): “Ты знал ли дикий край, под знойными лучами, Где рощи и луга поблекшие цветут?” [1, 22]; время может характеризовать бытийность любого из мифомиров — например, жизни после смерти: “Стоит он (тень Наполеона — Н.С.) и тяжело вздыхает, Пока озарится восток, И капают горькие слезы Из глаз на холодный песок” [1, 273].

Среди мифопоэтических значений образа “солнца” в поэтической речи Лермонтова отмечены также: 4. **“Символ животворящей матери-природы, в том числе в ее цикличном проявлении; символ гармоничного земного мира:** “Отворите мне темницу, Дайте мне сиянье дня; Черноглазую девицу, Черногривого коня” [1, 178], ср.: “Смотри, в сырой тюрьме моей Не видно солнечных лучей; Но раз на мрачное окно Упал один — давным-давно; И с этих пор между камней Ничтожный след веселых дней Забыт, как узник, одинок Растет бледнеющий цветок...” [3, 88; И-12]; 5. **“Локус Бога (или Его заместника — пророка в сакральном, царя в профанном мире)”**, благодаря чему к “солнцу” (чаще к восходящему либо к востоку) обращались с молитвой: “...молился я пророку, Чтоб ангелам велел он ниспослать Хоть каплю влаги пламенному оку!.. Ты видишь: есть ли слезы?.. О! не трать Молитв напрасных... к яркому востоку... взывал я...” [3, 251, И-2]. 6. **“Психологический ассоциатив”**: солнце выступало свидетелем сакрализованных событий в жизни человека, в частности, любви: “И только месяц с солнцем золотым Узнают, как и кто тобой любим!..” [3, 259]; святой лик божественного солнца не должен быть обращен к картинам смерти: “Краснея, догорает день В тумане. Пусть он никогда Не озарит лучом своим Густой новгородский дым...” [1, 328, И-4], и тем более впечатляет нарушение табу: “Лежал один я на песке долины, Уступы скал теснились кругом, И солнце жгло их желтые вершины И жгло меня — но спал я мертвым сном” [1, 306; И-4]; 7. **“Уничтожитель, губитель”**: “И следом печальным на почве бесплодной Виднелся лишь пепел седой и холодный, И солнце остатки сухие дожгло, А ветром их в степи потом разнесло” [1, 244; И-3], — данное значение связано, безусловно, со значением “локус Бога”, — в частности, до своей гибели под топором три пальмы обращались к небу с роптаньем. 8. **“Предвестник беды”**: “Чу!.. топот... пыль клубится тучей, Новорожденное светило С лазурной неба вышины Кровавым блеском озарило Доспехи ратные бойцов” [3, 141; И-2]. 9. **“Медиатор между мифопоэтическими мирами”** объединяет созначения: **“час прощания души с телом”**: “Но рыдания звучали Вплоть до белая зари, Наконец и замолчали” [1, П, 131; И-2]; **“час исчезновения (восход), появления (закат) власти темных сил”** (высокоактивное созначение): “Но — посмотри — уж день блеснул в струях... Призрака нет, все пусто на скалах” [1, 42, И-7], в том числе в развернутых описаниях: “Светает — побелел восход И озарил вершины гор, И стал синеть безмолвный бор. На зеркало недвижных вод Ложится тень от берегов; И над болотом, меж кустов, Огни блудящие спешат Укрыться от дневных огней... Летит в пустыню черный вран, И в чашу кроется теперь С каким-то страхом дикий зверь” [1, 342, в час заката — обратное развитие событий — 3, 7]; в нулевой позиции — **“атрибут потустороннего мира”**, отсутствие которого значимо: “...Ей не видать зари прекрасной, Она до утра будет там, Где солнца уж не нужно нам” [3, 136; И-2], а присутствие мнимо и подобно явлению луны: “Меня томил Предсмертный бред. Казалось мне, Что я лежу на влажном дне Глубокой речки... И солнце сквозь хрусталь волны Сияло сладостней луны...” [1, 516],

наконец, собственно **“медиатор между мирами — миром жизни и смерти”**: “Закат горит огнистой полосой, Любуюсь им безмолвно под окном, Быть может, завтра он заблещет надо мною, Безжизненным, холодным мертвецом” [1, 68; И-4]; **миром реальности и воображения** [1, П, 308]; **миром абсолютного счастья** [3, 259]; **миром сущего и ирреального** (ср. час появления-исчезновения власти темных сил). Значение “медиатор...” намного активнее в описаниях заката и восхода солнца сравнительно с описаниями полудня. Наконец, в позиции СО мифологема солнце реализует три созначения, различающиеся лишь фокусированностью внимания на явлении как отдельной сущности или как части целого (природа); степенью эксплицитности, ведущей к сакрализации, либо имплицитности, ведущей к секуляризации; выраженностью черт анимизма и анимитизма. Как часть целого с неотмеченными чертами анимизма и анимитизма мифологема может быть описана в качестве 10. **“Компонента опоэтизированной картины природы — пейзажа”**: “Взошла заря, и отделился лес Стеной зубчатой по краю небес” [3, 234; И-14]; относительно полной фазы также [1, 22; И-11]; относительно заката также [1, 52; И-12]. Мир природы, включая “солнце”, нередко оказывается син/дисгармоничным состоянию человеческой души: “По небу знойный день катится, От скал горячих пар струится; Орел, недвижим на крылах, Едва чернеет в облаках, Ущелья в сон погружены: В ауле нет лишь тишины” [1, 417; И-9]. Как часть целого с отмеченными чертами анимизма и анимитизма мифологема выступает в качестве 11. **“Компонента опоэтизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма”**: “Заря меж синими рядами Ревнивых туч уж занялась” [3, 211; И-12]. Наконец, находясь в фокусе внимания с отмеченными чертами анимизма, анимитизма, мифологема реализует соответствующее значение — 12. **“Явление с чертами анимизма, анимитизма”**: “Кто в утро зимнее, когда валит Пушистый снег и красная заря На степь седую с трепетом глядит, Внимал колоколам монастыря...” [1, 102; И-11]. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что мифологема “солнце” находится в структуре самодостаточной системы природы — с чертами анимизма, анимитизма и вне признаков антропоморфизма — ср.: “волна, Играющим лучом пробуждена” [3, 76]; “Востока луч тебя ласкал” [к ветке — 1, 214]; “Еще ленивое светило Росы холмов не осушило” [1, 420]; “... заря Успеет в облаках проснуться” [3, 140; И-4]. Даже использование антропоморфного кода в развернутых описаниях мифологема (позиции СО — СС) выглядит внешней характеристикой образа, занимая скромное место в структуре самодостаточного описания картины природы; “Над Москвой великой, златоглавою, Над стеной кремлевской белокаменной Из-за дальних лесов, из-за синих гор, По тесовым кровельнам играючи, Тучки серые разгоняючи, Заря алая подымается, Разметала кудри золотистые, Умывается снегами рассыпчатыми, Как красавица, глядя в зеркальце, В небо чистое смотрит, улыбается. Уж зачем ты, алая заря, просыпалася? На какой ты радости разыгралася?” [1, 466]. Аналогично осмыслено полуденное солнце [1, 137; И-

2]. Человек или социум вступают в пассивный контакт со светилом лишь в портретных описаниях: “Иногда Усы седые, борода, С игривым встретившись лучом, Вдруг отливали серебром...” [1, 438; И-3] и — крайне редко — в активный: “Когда зари румяный полусвет В окно тюрьмы прощальный свой привет Мне, умирая, посылает...” [1, 217]. Однако наиболее отчетливые контуры самодостаточной субстанции с чертами анимизма и анимитизма в поэтической речи Лермонтова мифологема “солнце” приобретает в ипостаси вечернего светила: “День гас; в наряде голубом Крутясь бежал Гвадалкивир, И не заботясь о том, Что есть под ним какой-то мир, Для счастья чуждый, полный злом, Светило южное текло, Беспечно, пышно и светло” [3, 83]; ср.: “Скользнув между вечерних туч, На море лег кровавый луч; И солнце пламенным щитом Нисходит в свой подводный дом. Одни варяжские струи, Поднявши головы свои, Любуясь на его закат, Теснятся, шепчут и шумят” [1, 334; И-4].

В качестве СС мифологема “солнце” переосмыслена согласно кодам: **пироморфно-синестетическому**: прощальный луч “...пламень свой негреющий разлил По стеклам расписным светлицы...” [3, 228; И-4]; **атрибутивному**: “...солнце пламенным щитом Нисходит в свой подводный дом” [1, 334, также 3, 228, где прощальный луч солнца именован венцом горы высокой и 1, 55, где лучи зари с кустами осмыслены как убор цепи гор, И-3], **колоративно-синестетическому**: “луч солнца золотой” [1, 186; И-9]; **акваморфно-атрибутивному**: “Блестит зари последняя струя... Но не зари пленял ее разлив...” [3, 229; И-3]; **абстрактно-символическому**: “Люблю я солнце, Есть что-то схожее в прощальном взгляде Великого светила с тайной грустью Обманутой любви...” [1, 137; И-2]; **антропоморфному**: “...Заря алая подымается; Разметала кудри золотистые, Умывается снегами рассыпчастыми, Как красавица, глядя в зеркальце, В небо чистое смотрит, улыбается” [1, 466; И-2].

В качестве ОС мифологема “солнце” в поэтической речи Лермонтова реализует мотивы, изоморфные значения: **“символ животворящей матери-Природы, в том числе в ее цикличном проявлении: символ гармоничного земного мира**: “Опять, как алая заря, Надежда веселит меня...” [1, 343; И-4]; **“локус Бога (или Его наместника — пророка в сакральном, царя в профанном плане)**: “Не сияет на небе солнце красное, Не любят им тучки синие: То за трепезой сидит во златом венце, Сидит грозный царь Иван Васильевич” [1, 457; И-2]; **“предвестник беды/непогоды**”: “Люблю, когда, борясь с душою, Краснеет девица моя: Так перед вихрем и грозой Красна вечерняя заря” [1, 77]; **“компонент опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма**”: сингармоничной с миром людей: “Как сонце зимнее на сером небосклоне, Так пасмурна жизнь наша. Так недолго Ее однообразное теченье” [1, 29; И-3], реже — дисгармоничной [1, 186]; **“явление с чертами анимизма, анимитизма**”: “Вот на скале новорожденный луч Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч, И розовый по речке и шатрам Разлился блеск и светит там и там: Так девушки, купаясь в

тени, Когда увидят юношу они, Краснеют все, к земле склоняют взор: Но как бежать, коль близок милый вор!...” [1, 44; И-3]; **“комплекс ФЭП”** — в широком диапазоне положительно оцениваемых признаков: “Как солнце вешнее, она блистала И радостной и гордой красотой” [1, П, 66; И-7]; причем при наличии параллельных сравнений происходит косвенное сопоставление двух объектов: “Как луч зари, как розы Леля, Прекрасен цвет ее ланит...” [1, 162]; отрицательно оцениваемых признаков: “Как облака, висящие над ним, Стал мрачен лик суровый Акбулата; Дрожь пробежала по усам седым, Взор покраснел, как зарево заката” [3, 252; И-5]. С мотивами в диапазоне **“комплекс ФЭП”** той же аксиологической полярности мифологема реализуется в структуре развернутого объекта сопоставления: “Меньшой был слаб и нежен с юных дней, Как цвет весенний под лучом заката!” [3, 245; И-4].

В прозе Лермонтова мифологема “солнце” в качестве СО реализует значения: **“комплекс ФЭП”**: “...а вечером, или когда солнце ударило в стекла, опускались пунцовые шторы” [2, 298; И-9], **“хронометр”**: “Уже солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину” [2, 362; И-3]; **“маркер определенного локуса”**: “...смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем” [2, 363]; **“символ животворящей матери-Природы, в том числе в ее цикличном проявлении; символ гармоничного земного мира”**: “...душа ссыхалась; ...ужасно сидеть в белой клетке из кирпичей и судить о зиме и весне по узкой тропинке, ведущей из келий в церковь: не видать ясное солнце иначе как сквозь длинное решетчатое окно...” [2, 212; И-4]; **“предвестник непогоды”**: “...солнце чуть показалось из-за темно-синей горы..., но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание” [2, 381-382]; **“компонент опозитизированной картины природы”**: “У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели” [2, 477; И-3]; **“компонент опозитизированного мира природы с чертами анимизма, анимитизма”**: “Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томленье; в ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня, он золотил только верхи утесов...” [2, 469-470; И-10]; **“явление с чертами анимизма, анимитизма”**: “...в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; Это — ворота, образованные природой; они подымаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний, пламенный взгляд” [2, 457; И-2].

В качестве СС мифологема переосмыслена согласно кодам — **колоративно-синестетическому**: “золотой луч солнца” [2, 202; И-2] и **атрибутивному**: “солнце сквозь туман кажется желтым пятном” [2, 468].

В качестве ОС мифологема реализует узкий круг изоморфных значениям мотивов: **“комплекс ФЭП”**: “Он просиял, как солнце” [2, 436; И-2]; **“компонент опозитизированной картины природы”**, сингармоничной: “Какое-то печальное равнодушие, подобное тому, с каким наше северное

солнце отворачивается от неблагодарной здешней земли, закрадывается в душу, приводит в оцепенение все жизненные органы” [2, 317] или дисгармоничной [2, 479] с внутренним миром человека.

Наконец, в драме мифологема фигурирует лишь в качестве СО, реализуя значения: **“медиатор между миром мертвых и живых”**: “Дм. Петр. Так, так, --- остановитесь здесь — я хочу, чтоб светлый луч солнца озарил мои последние минуты...” [5, 437] и **“уничтожитель, губитель”**: “О! Алварец! Не должен тот роптать на провиденье, Кто обладает этими дарами неба, Хотя бы крыши не было от солнца Их защитить” [5, 24].

Мифологема Лермонтова **“метеор”** явлена в формах метеор, темно-красный метеор, гибельная звезда, звезда падучая, перелетный метеор, южный метеор, вечный метеор кометы, толпа комет лишь в поэзии.

В качестве СО мифологема реализует значение **“предвестник беды: знак услышанной небесами клятвы о мщении”**: “Клянусь, великий Чернобог, И в первый и в последний раз: Не буду у варяжских ног. Иль он, иль я: один из нас Падет! в пример другим падет!.. Сказал, и на колена он упал, И руки сжал, и поднял взор, И странно взгляд его блестел, И темно-красный метеор Из тучи в тучу пролетел!” [1, 333; И-2].

В качестве ОС мифологема реализует мотив в диапазоне **“комплекс ФЭП”**, описывая **“форму”**: “Такой же вздор, какой твердите вы, Когда идете здесь толпой комет, А маменьки бегут за вами вслед. Но для чего кометами я вас Назвал, глупец тупейший то поймет... Комета за собою хвост влечет, И это всеми признано у нас. Хотя — что в нем, никто не разберет: За вами ж хвост оставленных мужьев, Вдыхателей и бедных женихов” [1, П, 143]; **“свет, цвет, степень яркости, размер”**: “Люблю я цепи синих гор, Когда, как южный метеор, Ярка без света и красна Всплывает из-за них луна” [1, 153; И-2]; **“характер движения”**: “Как перелетный метеор Я мог исчезнуть и блеснуть. Везде мне был свободный путь” [3, 128; И-6]; **“свет, цвет”**: “В твоих щеках, как метеор, Играет пламя крови южной” [1, 421; И-2], **“категории ментальной оценочности”**: “Как в ночь звезды падучей пламень, Не нужен в мире я” [1, 157; И-2].

Формы речевой объективации мифологемы **“звезда”** в поэтическом тексте Лермонтова включает: звезда, звезды, далекая звезда, далекие звезды, звезды дальние, первая звезда, звезда вечерняя, ночная звезда, ночные звезды, полуночная звезда, звезда прекрасная, светила, звезды прекрасные, земные звезды, яркая звезда, звезда приветная, звезды незакатные, алмазная звезда, звезда востока, светящиеся точки, тусклые планеты, отдаленное светило, хоровод светил напутственных, ряды светил, небес очи, небесные тела, толпа звезд, а также луч звезды, лучи звезды, блеск звезды. В драме Лермонтова мифологема не отмечена. Формы речевой объективации мифологемы в **прозаическом тексте**: звезды, звездочки, утренняя звезда, хороводы звезд, светила небесные, бесчисленные жители неба. Вне анализа — ФО “считать звезды” [1, 304; И-2].

В числе значений мифологемы — СО в поэтической речи вошли: 1. **“Живая одухотворенная субстанция, часть анимо-анимистичного мира**

природы, понимаемой как явление космического, а не узкопланетарного масштаба”: “Завет предвечного храня, Мне тварь покорна там земная; И звезды слушают меня, Лучами радостно играя” [слова пророка, 1, 319; И-11]; 2. **“Объект, расположенный в локусе поэтических полимиров универсума”**, в т.ч. **мифомира жизни после смерти**: “Чья тень прозрачной мглой одета, Как заблудившийся луч света, С земли возносится туда, Где блещет первая звезда?” [3, 146-147; И-3]; **мифомира божественного верха**: “По небу полуночи ангел летел, И тихую песню он пел: И месяц, и звезды, и тучи толпой Внимали той песне святой” [1, 103; И-5]; **демонического мифомира**: “Когда еще ряды светил Земли не знали меж собой, В те годы я уж в мире был, Смотрел очами и душой, Молился, действовал, любил...” [3, 127; И-5], **мифомира пракосмоса** [3, 128], **современного Космоса** [1, П, 86]; **мифомира воображения** [1, 99; И-3]; 3. **“Материализованная судьба”**: “...вечно, вечно не поймешь Того, кто за безумный сон, За миг столетьями казнен. Я пережил звезду свою; Как дым рассыпалась она, Рукой творца раздроблена... По беспредельности небес Блуждал я много, много лет...” [Азраил, 3, 130; И-5]; 4. **“Медиатор между мирами, предвестник в знаково-хронометрическом проявлении”**: “Я гибну! — Первою звездой Нам возвестит судьба разлуку” [3, 145; И-5]; 5. **“Компонент опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма”**: “Я видел иногда, как ночная звезда В зеркальном заливе блестит; Как трепещет в струях и серебряный прах от нее, рассыпаясь, бежит” [1, 39; И-10], часто синкретизированное со значением 6. **“Хронометр”**: “Когда росистой ночи мгла На холмы темные легла, Когда на небе чередой являлись звезды и луной Сребрилась в озере струя, Через туманные поля Охотник поздний проход ил...” [1, 349; И-4]; 7. **“Комплекс ФЭП”**: “Бежал я долго — где, куда? Не знаю! Ни одна Звезда Не озаряла трудный путь” [1, 505; И-2].

В качестве СС мифологема переосмыслена по **колоративно-атрибутивному коду**: “Посреди небесных тел Лик луны туманный: Как он кругл и как он бел, Точно блин с сметаной. Кажду ночь она в лучах Путь проходит млечный: Видно, там, на небесах, Масленица вечно” [2, П, 139; И-2].

В качестве ОС мифологема реализует два мотива: 1. **“Константа мироздания, глаза Вселенной, неизменно взирающей на земной мир”**: “Все громче Рымника, Полтавы Гремит Бородино. Скорей обманет глас пророчий, Скорей небес погаснут очи, Чем в памяти сынов полночи Изгладится оно” [1, 134] и 2. **“Комплекс ФЭП”**: а) мотив на основе признаков **“яркий”, “сияющий”, “сверкающий”, “светящийся”** — о женщинах: “Прекрасна Леда, как звезда На небе утреннем” [1, 335], глазах: “Ее глаза как звезды блещут” [1, 423], взорах: [1, 38], слезах: [3, 260]; слугах [1, 458]; ангеле [3, 133-134], всего И-15; б) мотив на основе признаков **“множество”, “хаотично расположенные”, “перемещающиеся”** (об огнях, алмазах и т.д.): “Венеция! О, как прекрасна ты, Когда, как звезды спавши с высоты, Огни по влажным улицам твоим Скользят...” [3, 74; И-6]; в) мотив на

основе **“ментально-этического признака”**: “Как ночи Украины, В мерцании звезд незакатных, Исполнены тайны Слова ее уст ароматных” [1, 259; И-2]. 3. **“С любви”**: “...скрытая любви ее звезда” [3, 177].

В прозаических текстах Лермонтова мифологема в качестве СО реализует значения: 1. **“Компонент опозитивированной картины природы”**: “...хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другой гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами” [2, 380; И-3]; 2. **“Комплекс ФЭП”**: “На темном небосклоне начинали мелькать звезды, и странно мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере” [2, 364]; 3. **“Материализованная судьба”**: “...что, если его счастье перетянет? если моя звезда, наконец, мне изменит?... И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле” [2, 467]; 4. **“Константа мироздания, глаза Вселенной, неизменно взирающей на земной шар”**: “...звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что ж? Эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ним... Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немой, но неизменным!...” [2, 487; И-2].

В качестве СС мифологема переосмыслена согласно **колоративно-атрибутивному** коду: “...две звездочки, как два спасительных маяка, сверкали на темно-синем своде” [2, 412]; “эти лампы” [2, 487], **атрибутивному**: “хоровод звезд” [2, 380].

В качестве ОС мифологема использована с мотивом “красивый” (на основе **“комплекса ФЭП”** — “сияющий”, “сверкающий”, “светящийся”, “яркий” — о женщине): “...она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке” [2, 320].

Итак, большая часть дескрипторов мифологема относится, безусловно, к мифопоэтическим [7 из 10, если под тремя оставшимися подразумевать “компонент опозитивированной природы”, “хронометр”, “комплекс ФЭП”, хотя, строго говоря, к фоновому-энциклопедическим относится лишь последнее; оно же принадлежит к низкочастотным].

Два значения — “живая, одухотворенная субстанция” и “компонент опозитивированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма” различаются лишь тем, что находится в фокусе внимания — картина ли природы в единстве составляющих или один объект на фоне многих менее значимых. Значение “компонент опозитивированной природы” проявляет высокочастотную синкретичность со значением “хронометр”; 9 из 10 дескрипторов мифологема проявились в позиции СО, 3 из 10 — в позиции ОС, то есть в определении

мифопоэтического статуса образа позиции СО гораздо более существенна, чем позиция ОС. То же можно сказать о прозаическом тексте: из 4 дескрипторов мифологемы, проявляющихся в прозе, 4 реализованы в позиции СО и лишь 1 — в позиции ОС в виде изоморфного мотива.

Полный спектр дескрипторов образа в поэзии в два раза выше, чем в прозе, что указывает на то, что поэзия — первородная стихия и естественная среда мифологемы.

Свойство реверсивных значений (мотивов) образовывать зоны симметрии относительно прямых подтверждается: дескриптор “константа мироздания, глаза Вселенной, взирающей на земной мир”, представленной в поэзии в позиции ОС, в прозе реализован в позиции СО. Среди кодов мифологемы в позиции СС представлены исключительно неантропоморфные, позволяющие глубже проникнуть в сущность предмета посредством сопоставлений цветового, атрибутивного рядов.

Среди комплементарных мифологеме парадигм доминирует исконная (народнопоэтическая на срезам предвестников; метаморфоз; символов, часто синкретизированная с христианской); помимо того, отмечена активность восточной мифопоэтической системы (престол аллы, Чатырдаг и мн. др.).

Лермонтовская мифологема “звезда” принадлежит поэтическим полимирам неизмеримого Космоса в его пра- и современном состоянии; выполняет полимедиарную функцию в общении Космоса с человеком: являет собой воплощение судеб людей и народов; выступает предвестником в знаково-хронометрическом проявлении; глазами Вселенной, постоянно и неизменно взирающей на земной мир. Располагаясь в локусе полимиров универсума, проявляет черты живой, одухотворенной субстанции, принадлежащей миру природы с чертами анимо-анимизма, природы в ее глобальном понимании, перерастающем рамки планетарного масштаба.

В спектре комплекса ФЭП в позиции ОС является образом красоты, привлекательности таинственности, в отраженном виде — обманчивости.

Итак. Образы “солнца”, “ночного светила”, “звезд”, “метеора” как составная мифопоэтической картины мира М.Ю.Лермонтова обнаружили принципиальную верифицируемость интенционала на основе ретро-рефлексии и осмысления кореферентных форм. В круг кореферентов (из числа анализируемых исключены фразеологические обороты) вошли все формы, объективировавшие интенционал, включая сегментные соинтенционалы; в результате ряд составили имена образов (вместе с эпитетами при их наличии) в формах единственного и множественного числа; в прямом и переносном значении; эмоционально-экспрессивно маркированные и не маркированные; парафразы, наименования по синекдохической модели (типа “лунный свет”, “луч луны” вместо “луна”).

Цельность мифопоэтического образа обеспечена учетом всех логико-лингвистически значимых позиций его реализации. Среди дескрипторов всех образов, безусловно, доминируют мифопоэтические при соотношении 9:3 (комплекс ФЭП, хронометр, маркер определенного земного локуса) в структуре интенционала образа “солнце”; 7:2 (комплекс ФЭП, хронометр) —

образа “ночного светила”; 8:2 (комплекс ФЭП, хронометр) — образа “звезд”; 1:1 (комплекс ФЭП) — образа метеора, что дает основания считать образы мифологемами, подлежащими определению посредством имманентных семантических маркеров.

Исконный народнопоэтический миф является наиболее продуктивной среди комплементарных парадигм исследованных образов, что дает основания назвать их этномифологемами. Сравним: среди 9 мифопоэтических дескрипторов этномифологема “солнце” лишь 1 (локус Бога или его заместителя — пророка, царя) и лишь отчасти (локус пророка) апеллируют к инокультурной мифологической парадигме; среди 7 мифопоэтических дескрипторов “ночного светила” лишь 1 (сакрализованный атрибут мусульманской религии) апеллирует к инокультурной парадигме; среди мифопоэтических дескрипторов оставшихся образов таковых не отмечено. Народнопоэтический миф шире представлен в сегменте дохристианского мифа.

Приведенные ниже таблицы №№1.- 4. наглядно иллюстрируют описанные выводы.

Ряд дескрипторов, характеризующих астральные мифологеми Лермонтова, допускает “обратное” прочтение, позволяющее определить, наряду с многозначностью образа, многоформенность значения. Ряд показывает качественный состав типичных (связанных более чем с 1 образом) и уникальных (характеризующих единственный образ) дескрипторов этномифологем Лермонтова, ср. данные Табл. № 5. Обращает на себя внимание состав типичных мифопоэтических дескрипторов астральных этномифологем Лермонтова (№№3-7), на уровне абстракции IV порядка допускающих возведение к 2-м типам — медиарному (медиатор между полимирами универсума; атрибут ситуаций антифактивности или неполной фактивности; предвестник беды) и аутогенному пан-натуралистическому (живая, одухотворенная субстанция... и составная опозитивированной природы — самодостаточной системы с чертами анимизма, анимитизма). Прочие типичные относятся к блоку фоново-энциклопедических (№№1-2), ср. данные Табл. 6.

Сопоставимые выводы напрашиваются при оценке спектра кодов астральных мифологем (Таблица 7).

Как видим, число составных кодов равно числу простых; в группе простых уникальные находятся в отношении 2:3 к типичным; обратное соотношение наблюдается в группе составных — 4:1. Среди типичных наиболее заметен атрибутивный, пятикратного проявления в простых и составных суммарно, в то время как антропоморфный проявился дважды.

Спектр дескрипторов и кодов астральных этномифологем убедительно свидетельствует в пользу восприятия писателем окружающей действительности в широком спектре полимиров универсума с аутогенными астральными объектами, равнозначными себе самим, наделенными чертами анимизма и анимитизма, но отнюдь не доминирующего антропоморфизма, причем границы полимиров прозрачны и проницаемы для астральных

этномифологом, благодаря чему они и выполняют относительно человека свои медиарные функции, стремясь как бы восполнить или хотя бы отчасти компенсировать ограниченность возможностей человеческой психики в ее общении с Космосом.

Примечания:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – В 3-х т. – Т. 1. – М., 1995. – 412 с.
2. Бадер О. Н. Элементы культа светил в палеолите // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 40-46.
3. Белова О. В. Млечный путь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – В 5-ти т. – Т. 3. – М., 2004. – С. 264-266.
4. Белова О. В., Толстая С. М. Луна // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – В 5-ти т. – Т. 3. – М., 2004. – С. 143-147.
5. Белова О. В., Толстая С. М. Лунное время // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – В 5-ти т. – Т. 3. – М., 2004. – С. 147-150.
6. Воропай О. Звичаї нашого народу. – У 2-х ч. – Мюнхен, 1958. – Ч. 1. – 451 с.; Ч. 2. – 448 с.
7. Гура А. В. Лунные пятна // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – В 5-ти т. – Т. 3. – М., 2004. – С. 150-154.
8. Иванов В. В. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. – 2-е изд. – В 2-х т. М., 1992. – Т. 2. – С. 78-80.
9. Иванов В. В. Солярные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. – 2-е изд. – В 2-х т. М., 1992. – М., 1992. – С. 461-462.
10. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному висвітленні. – У 2-х кн. – К., 1994. – Кн. 1. – 392; Кн. 2. – 594 с.
11. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія. – К., 1994. – 383с.
12. Купер Дж. Луна // Энциклопедия символов. – М., 1995. – С. 190-193.
13. Купер Дж. Солнце // Энциклопедия символов. – М., 1995. – С. 310-314.
14. Лермонтов М. Ю. Сочинения. – В 6-ти т. – Т. 1-6. – М., 1954-1957.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990. – 683 с.
16. Павлович Н. В. Значение слова и поэтические парадигмы // Проблемы структурной лингвистики. 1984 / Отв. ред. В.П.Григорьев. – М., 1988. – С. 151-166.
17. Розанов В. В. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н.Никононова. – М., 1995.
18. Рубанович А. Л. Эстетические идеалы М.Ю.Лермонтова. – Иркутск, 1968.
19. Санько С. Месяц // Беларуская міфалогія. Энциклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004. – С. 316-320.
20. Санько С., Сахута Я. Сонца // Беларуская міфалогія. Энциклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004. – С. 478-480.
21. Толстая С. М. Луна // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 245-247.

22. Толстая С. М. Солнце играет // Славянский и балканский фольклор. 1986. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. – М., 1986. – С. 8-11.
23. Топорков А. Л. Сонце // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 361-363.
24. Трессидер Дж. Звезда // Словарь символов. – М., 1999. – С. 107-108.
25. Трессидер Дж. Луна // Словарь символов. – М., 1999. – С. 203-207.
26. Трессидер Дж. Солнце // Словарь символов. – М., 1999. – С. 348-351.
27. Усачева В. В. Звезды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – В 5-ти т. – Т. 2. – М., 1999. – С. 290-294.
28. Цивьян Т. В. Мотив наказания Месяца в сюжете небесной свадьбы // Балто-славянские исследования. 1986. – М., 1988. – С. 222-238.
29. Штаерман Е. М. Луна // Мифы народов мира. Энциклопедия. – 2-е изд. – В 2-х т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 78.

Таблица 1. Астральные мифологемы М.Лермонтова. Мифологема “Ночное светило”. Абстракция 11 уровня.

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС
Хронометр – показатель времени в диапазоне суточного, месячного, годового циклов	+						+		
Составная опозтизированного пейзажа – части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма	+			+			+		
Сопредвестник беды	+			+		+			
Атрибут ситуации антифактивности/неполной фактивности	+			+			+		
Живая одухотворенная субстанция; царственный властелин ночи, центр анимо-анимитичного мира природы в ночную пору	+			+					
Константа полимиров, включая реальный, незыблемая точка в хаосе мироздания	+		+				+		
Комплекс ФЭП	+		+	+			+		+
Сакрализованный атрибут мусульманской религии	+						+		
Психологический ассоциатив: свидетель (с чертами анимизма, анимитизма) драматических событий в жизни человека (в т.ч. сакральных)	+						+		

атрибутивный, антропоморфный, астральный, абстрактно-символический, артефактуальный, пироморфно-

		атрибутивно-колоративный, колоративно-синестетический							
--	--	---	--	--	--	--	--	--	--

Таблица 2. Астральные мифологемы М.Лермонтова. Мифологема “Солнце”.
Абстракция 11 уровня.

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС
Комплекс ФЭП	+		+	+		+			
Хронометр	+								
Маркер определенного земного локуса	+			+					
Символ животворящей матери-Природы, в том числе в ее цикличном проявлении; символ гармоничного земного мира	+		+	+					
Локус Бога (или его заместителя – пророка, царя)	+		+						
Уничтожитель, губитель	+						+		
Предвестник беды/непогоды	+		+	+					
Медиатор между мифопоэтическими мирами: а) час прощания души с телом; б) час исчезновения (восход) появления (закат) власти темных сил; в)	+						+		

атрибут потустороннего мира, значимый в нулевой позиции; г) медиатор между миром мертвых и живых		пироморфно-синестетический, а рактно-символический, антропоморфный			аантропоморфный, атрибутивно-колоративно-пироморфный					
Компонент опозитизированной картины природы	+			+						
Компонент опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма	+		+	+						
Явление с чертами анимизма, анимитизма	+		+	+						
Психологический ассоциатив: свидетель сакральных событий в жизни человека	+									

Таблица 3. Астральные мифологемы М.Лермонтова. Мифологема “Метеор”. Абстракция 11 уровня.

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС
Предвестник беды, знак услышанной Небесами клятвы о мщении	+								
Комплекс ФЭП			+						

Таблица 4. Астральные мифологемы М.Лермонтова. Мифологема “Звезда”. Абстракция 11 уровня.

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	С С	ОС
Живая, одухотворенная субстанция, часть анимо-анимитичного мира природы, понимаемой как явление космического, а не узко-планетарного масштаба	+								
Атрибут ситуаций антифактивности.	+								

Объект, расположенный в локусе поэтических полимиров универсума		колоративно-атрибутивный			атрибутивный, колоративно-атрибутивный					
Материализованная судьба	+			+						
Медиатор между мирами: предвестник в знаково-хронометрическом проявлении	+									
Компонент опоэтизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма	+									
Хронометр	+									
Комплекс ФЭП	+		+	+		+				
Константа мироздания, глаза Вселенной, неизменно взирающей на земной мир			+	+						
Компонент опоэтизированной картины природы				+						
С. любви		+								

Таблица 5. Астральные мифологемы М.Лермонтова. Абстракция III уровня.

Мифологемы	Звезда	Метеор	Ночное светило	Солнце
Комплекс ФЭП	+	+	+	+
Хронометр	+	—	+	+
Составная опоэтизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма	+	—	+	+
Живая, одухотворенная субстанция, часть анимитического мира природы как явления космического масштаба	+	—	+	+
Предвестник или сопредвестник беды/непогоды	—	+	+	+
Медиатор между полимирами универсума	—	—	+	+
Атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности	+	—	+	—
Маркер земного локуса	—	—	—	+
Символ животворящей матери-природы, гармоничного земного мира	—	—	—	+
Локус Бога (или Его наместника)	—	—	—	+
Уничтожитель, губитель	—	—	—	+
Сакрализованный атрибут мусульманской религии	—	—	+	—
Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной	—	—	+	—
Материализованная судьба	+	—	—	—
Константа мироздания, глаза Вселенной, неизменно взирающей на земной мир	+	—	—	—
С. любви	+	—	—	—

Таблица 6. Тип мировоззренческих констант (выделены на основе осмысления астральных мифологем М.Лермонтова). Абстракция 1У уровня.

Мировоззренческие константы	Дескрипторы
Фоново-энциклопедический тип	Комплекс ФЭП; хронометр
Медиарный тип	Медиатор между полимирами универсума; предвестник беды, атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности
Пан-натуралистический тип	Живая одухотворенная субстанция; составная опозитизированного пейзажа — части самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма

Таблица 7. Спектр кодов астральных мифологем М.Лермонтова

	Солнце	Месяц	Звезды	Метеор
Простые				
1. Атрибутивный	+	+	+	—
2. Антропоморфный	+	+	—	—
3. Артефактуальный	—	+	—	—
4. Астральный	—	+	—	—
5. Абстрактно-символический	+	+	—	—
Составные				
1. Колоративно-синестетический	+	+	—	—
2. Пироморфно-синестетический	+	—	—	—
3. Колоративно-атрибутивный	—	—	+	—
4. Акваморфно-атрибутивный	+	—	—	—
5. Атрибутивно-колоративно-пироморфный	—	+	—	—